

Юнь Цзи на миг задумался, затем слегка встряхнул головой:

— Ох, твоя куртка... Извини.

Он поспешно снял её и протянул Цун Ле.

Цун Ле с мрачным видом затолкнул его обратно в салон вместе с курткой, сам уселся на переднее пассажирское сиденье и глухо бросил водителю:

— На виллу Цзинхуа.

Это был его коттеджный посёлок.

Всю дорогу Юнь Цзи не обронил ни слова. Цун Ле тоже хмуро смотрел в окно, и лишь таксист время от времени поглядывал на них через зеркало заднего вида.

— Приехали. С вас ровно тридцать, — нерешительно произнёс водитель, доставая табличку с QR-кодом и не зная, кому из двоих её подставить.

Цун Ле молча и ловко расплатился, вылез из машины и с грохотом захлопнул дверцу.

— Теперь в «Обитель Радости», — Юнь Цзи откинулся на спинку сиденья и прикрыл ладонью тихий кашель.

— Сделаем! — с облегчением отозвался таксист и тут же ударил по газам.

Когда Цун Ле ушёл, Юнь Цзи вздохнул свободнее.

Находиться рядом с этой тяжеловесной фигурой в тесном пространстве машины было почти невыносимо — он просто не знал, как себя вести.

Для него нынешнего Цун Ле был не более чем напоминанием о неудачном жизненном опыте. Юнь Цзи предпочитал не говорить о чувствах вслух, но Цун Ле и раньше никогда не проявлял инициативы. Со временем всё должно было окончательно угаснуть, переродившись в чисто деловые отношения.

Юнь Цзи вообще плохо умел разгребать руины отживших чувств. Да и, кроме Цун Ле, он никого в своей жизни по-настоящему не любил. Без любовной подоплёки их общение вне работы превращалось в нечто абсолютно бессмысленное и лишнее. Стоило ему увидеть Цун Ле, как в памяти невольно всплывало, насколько унижительной и жалкой была его прежняя привязанность.

К счастью, тот ушёл.

Едва Юнь Цзи расслабился, как зазвонил телефон. Стоило нажать кнопку ответа, как из динамика вырвался разъярённый голос Цун Ле:

— Ты куда уехал?! Почему из машины не вышел?

— А с чего бы мне выходить? — Юнь Цзи ощутил, как внутри закипает раздражение. — Это ведь твой дом, верно?

— Я вышел забрать вещи! Собирался поехать к тебе! Ты какого черта велел водителю трогаться?! — гремел на том конце провода Цун Ле.

— Повторяю ещё раз: я никогда не звал тебя к себе домой, — ровным, холодным тоном отчеканил Юнь Цзи.

— Врач же языком сказал: есть риск обмороков, жить одному нельзя! Чем ты вообще слушал?! — Голос Цун Ле взлетал всё выше.

Юнь Цзи отлично знал своё состояние, поэтому отрезал:

— Не твоя забота.

— Как это не моя?! Что у тебя за срочность такая — лететь домой в одиночку? — Цун Ле немного сбавил тон. — Скажи шофёру, пусть поворачивает обратно. Я захвачу вещи и поедом.

— Не нужно. Занимайся своими делами, я доберусь сам, — Юнь Цзи отказал твёрдо и безапелляционно.

Цун Ле просто бросил трубку.

Постояв на месте, где высадился, Цун Ле в сердцах со всей силы пнул кованую калитку.

Во дворе пышно цвели розовые тюльпаны — ещё совсем недавно Юнь Цзи сам, своими руками, высаживал здесь луковицу за луковицей.

— И кто еще недавно сопли мотал, лишь бы ко мне поселиться? — Цун Ле с досады ударил ногой по крайнему цветку.

Хрупкий стебель тут же переломился, и нежные розовые лепестки рассыпались по земле.

— Такое же избалованное недоразумение, как и его хозяин, — проворчал он сквозь зубы.

В гостиной стоял рояль из прозрачного хрусталя — тоже каприз Юнь Цзи, настоявшего на этой покупке.

На самом деле Цун Ле крайне редко писал музыку за фортепиано. Ему привычнее была MIDI-клавиатура: на ней удобнее набрасывать и сразу править партитуру. Инструмент же был громоздким, неуклюжим и лишь собирал пыль. К тому же абсолютно прозрачный хрусталь, отполированный до зеркального блеска, казался почти невидимым — в первые два дня после доставки Цун Ле трижды налетал на него с разбегу.

Тогда Юнь Цзи с особой гордостью заявил, что этот рояль полностью сработан из хрусталя — единственный в мире эксклюзивный «Стейнвей», созданный специально для Цун Ле.

Но для самого Цун Ле грандиозный инструмент оставался лишь неповоротливой клавишной тумбой. Скрипка, гитара, клавиши — качество инструмента мало влияло на его способность сочинять. Дай ему пару стеклянных стаканов и кувшин с водой, он и на них состряпает мелодию.

Больше всего Цун Ле раздражала эта привычка Юнь Цзи сорить деньгами. Тот швырялся ими так, будто они доставались ему даром, абсолютно не ведая им цены. Цун Ле слишком хорошо знал эту породу богатых сыночков.

Его собственный отец был точно таким же.

Когда мать Цун Ле ещё была жива, а семья перебивалась с хлеба на воду, она ни за что не соглашалась продать пару бриллиантовых серёжек. Твердила, что это самый скромный подарок, который муж преподнёс ей во время ухаживаний. Всё остальное имущество ушло с молотка, но эти серёжки она хотела сохранить как память.

Позже, когда мать слегла в критическом состоянии, Цун Ле — тогда ещё старшеклассник — тайком забрал и продал их. Вырученных денег хватило на двадцать три дня в реанимации.

А человек, клявшийся любить её до гроба, даже не соизволил прийти на похороны и принести хотя бы скромный букет.

Цун Ле не верил в «вечную любовь» золотой молодёжи. Для него она была похожа на те самые бриллианты, которые мать надеялась унести с собой в могилу: дорогие, слепящие... и в конечном счёте обратившиеся в ничто.

С того дня, как хрустальный рояль появился в доме, к нему не прикасался никто, кроме домработницы, протиравшей его через день.

Раньше, приходя в гости, Юнь Цзи часто просил:

— Сыграй мне что-нибудь.

Развязный тон, будто он обращался к тапёру в дешевом баре.

— Сыграй «К Элизе». Её-то ты точно умеешь, — Юнь Цзи тогда слегка прижимался к его руке, а на его щеках играл лёгкий хмельной румянец.

Цун Ле лишь слегка хмурился:

— Ты опять пил?

Юнь Цзи сводил большой и указательный пальцы, показывая крошечный зазор:

— Совсем чуть-чуть... Слушай, а давай купим большую кровать? Эта мне кажется маловатой. Скрипит постоянно... Тебе самому не тошно? Я каждый раз боюсь, что она развалится прямо посреди процесса. — Он едва слышно капризничал: — Столько денег отдали, а качество — дрянь дрянью.

— Сначала убери отсюда этот рояль, а остальное обсудим, когда протрезвеешь, — небрежно отмахивался Цун Ле.

— Что обсудим? — Юнь Цзи подозрительно щурился. — Ну уж нет. Этому роману быть! Ты всё равно женишься на мне, так что будь любезен дать знать, когда созреешь.

В его пьяноватом голосе звенели избалованные, капризные нотки.

— На свете нет ничего, чего бы я не смог получить. И ты — не исключение. — Он подавался ближе, шлейф сладковатого молочного запаха, смешанный с тонким винным перегаром, мягко окутывал со всех сторон.

Цун Ле уже и не помнил, как тогда от него отделался. Но одно знал точно: на фортепиано он ему так и не сыграл. Он вообще ни разу не прикоснулся к этому инструменту.

Цун Ле смотрел на безмолвный, прозрачный инструмент, и вспышка гнева постепенно угасала.

Вдруг его охватило странное, необъяснимое ощущение: будто эти клавиши были ему до боли знакомы.

Словно ему даже не нужно было садиться на хрустальную банкетку — пальцы сами помнили их

ледяную, безупречную гладкость.

Пальцы помнили, как давили на лакированные чёрно-белые клавиши, как те стремительно выталкивали подушечки вверх, заставляя гудеть ноющие суставы.

Это походило на отчаянную, одинокую любовную пытку — когда продолжать неумоготу, но и остановиться невозможно.

Это была «К Элизе».

Снова и снова, пока клавиши не нагревались от непрерывного трения.

Цун Ле нахмурился. Он был абсолютно уверен, что никогда не играл на этом рояле.

И всё же каждый звук «К Элизе» звучал в его памяти объёмно и чётко, звонкими искорками пролетая сквозь паузы тоски.

Цун Ле в замешательстве поднял крышку рояля.

Дон-н...

Чистый, хрустальный аккорд в точности совпал с эхом у него в голове.

<http://bllate.org/book/20092/1990906>